

М. Козловский.

Н о ч ь ю.

Ночью степи глазом не измерить,
Не обнять ночную темь степи;
Не найти такой, должно быть меры,—
Степи сделать меньше
Не найти!

Оттого конь мнет ковыль копытом,
Мнет к земле ковыль копытом конь;
Скачет он по степи, мглой облитой
И тревожит конь степной покой.

Эй ты, конь!

Зачем тревожишь степи,
От какой уходишь ты беды;
Почему ноздрей кровавых трепет
Ловит дальний пороховый дым?

Эй ты, всадник,

Забубенный всадник,
Тишь степи зачем уворовал?

Отчего в крови папаха сзади,

Отчего в повязке голова?

Прелью ночь июньская пахуча.

В землю, конь, втопчи, втопчи ковыль!

Твой прыжок на приовражных кругах
Может пули тонкий след обвить.

* * *

Станичная хата.

Не хата, а штаб,

За полночь—на улицу свет;

У дверей стоит часовой—каштан...

Штабисты с наганами и в галифе.

Над картой

Согнувшись сидит командарм,

В глазах затаилась бессонь;

Он нынче готовит лихой удар

В ковыльно-степную станичную звонь.

— Сюда...

— Через этот заржавленный плес...

— Обходом... в станицу—кавполк...

Кожанки холоден, не трепетен блеск,

От шлема шишак тень бросает на стол.

— Эй, ты, командарм!

— Брось на время расчет!

— В Благой... нынче ночью их сила...

По ржавому усу кровь каплей течет,

А череп повязка в крови сдавила.

И снова по степи

Подков перезвон,

Копытом прибитый ковыль;

И, кажется, было вот это давно,

Когда табуны здесь бродили кобыл.